

РУССКОЙ армии, доблестно воевавшей в первой мировой войне, не повезло в литературе. В течение двух десятилетий, до самой второй мировой войны, она была заслонена, вытеснена из нее темой гражданской войны. Жертвы, равно как и подвиги солдат и офицеров в 1914—1917 годах, были сведены на нет позором Брестского мира. Само участие в этой войне, на которую навесили ярлык «империалистическая», вызывало долгое время подозрение, особенно к той части интеллигенции, которая носила «царские» погоны и орден и для которой война была выполнением патристического долга. Оказавшись, часто не по своей воле, в Красной Армии в качестве «военспецов», эта русская военная интеллигенция была привязана к своим новым должностям и институтам заложничества, и институт комиссаров, и, наконец, путами Особых отделов ЧК. <...>

Без преувеличения можно сказать, что

дающего ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своей и предсмертными словами: «Я умираю потому, что слишком люблю родину», — доказал свой патриотизм».

Воротынцев находит сразу общий язык с Крымовым. Оба офицера — представители «военного ренессанса», охватившего молодых офицеров, участников японской войны, прошедших через Академию генерального штаба. Это они положительно оценивали деятельность военной комиссии Государственной думы вопреки министру Сухомлинову, это они видели и понимали «Столыпинскую линию», одобряя председателя Государственной думы Гучкова за его поддержку Столыпина. Будучи мозгом армии, они первые, как пишет Солженицын, осознали, «что весь мир и с ним и Россия... перекатились в Новое Время». В период думской монар-

армии в связи с деятельностью Петроградского Совета. Как рассказывает Врангель, он, не застав Гучкова в Петрограде, передал письмо П. Н. Миллюкову, обещавшему отнестись с вниманием к тому, что пишет генерал Крымов. А через несколько дней, в середине марта, к Гучкову приехал по вызову сам генерал Крымов. Встреча генерала Крымова с военным министром Гучковым описана в главе 585-й четвертого тома «Марта Семнадцатого». Гучков предлагает Крымову высокий пост начальника штаба Верховного с тем, чтобы впоследствии он заменил генерала Алексея на посту главнокомандующего. Но генерал Крымов поставил условие военному министру: разгон Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, выпустившего через голову правительства разрушающий военную дисциплину приказ № 1 и требовавшего его введения на фронтах. У Солженицына Крымов спрашивает Гучкова: «Что это — Совет депутатов? Самозва-

фронта генерал А. И. Деникин. Он подтверждает, что Крымову «предложили ряд высоких должностей», но он от всех отказался. Как пишет генерал Деникин, Крымов ему тогда же заявил:

«Ничего ровно из этого не выйдет. Разве можно в таких условиях вести дело, когда правительству шаг не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня. Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией — конечно, не без кровопролития... Ни за что: Гучков не согласен, Львова за голову хватается: «Помилуйте это вызвало бы такие потрясения, будет хуже».

ЕСТЕСТВЕННО возникает вопрос: почему Гучков, носивший ранее с планами дворцового переворота, убоился принять предложение Крымова разогнать Петроградский Совет? Он не мог не знать, что, когда Парижская Коммуна в 1871 году стала угрожать главе правительства Тьеру, был вызван генерал Мак-Магон, который в течение одной, хотя и кровавой, майской недели освободил Париж и избавил Францию от затянувшейся гражданской войны. А заодно обеспечил на столетие вперед существование французской демократической республики.

Не только Ленин и большевики, но и многие представители так называемой «революционной демократии» беспрерывно твердили летом 1917 года о «бонапартизме», якобы заложенном в природе русского генералитета. Но «бонапартизм» — установление военной диктатуры путем военного мятежа — был органически чужд всему корпусу офицеров и генералов русского генерального штаба. Военный переворот и заговор были несовместимы с идеями служения отечеству, особенно с тех пор, как государь разделил свою власть с избираемой Думой. Установление военной диктатуры никак не укладывалось в рамки конституционной монархии. В этом, видимо, и заключалась основная причина неудачи попыток Гучкова привлечь видных генералов к

ВОЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СОЛЖЕНИЦЫНА

Николай РУТЫЧ

РУТЫЧ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, ВИДНЫЙ РУССКИЙ ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ. ЖИВЕТ В ПАРИЖЕ. В СССР НЕ ПЕЧАТАЛСЯ С 1938 г.

лишь с выходом «Красного Колеса» А. И. Солженицына тема русской армии вернулась в нашу литературу. Той армии, которой с такой любовью отдавали свои творческие силы Пушкин, Лермонтов, Толстой... Надо вернуться к Пушкину, к отношениям Петра Гринёва с Савельичем, надо вернуться к Толстому, к отношениям Пьера Безухова с Каратаевым, чтобы оценить отношения полковника генерального штаба Воротынцева с солдатом Арсением Благодаревым. В них нет ни единой искусственной ноты.

Мы уже отмечали, что Солженицын, как и Толстой, освещает поля сражений не только по горизонтали, но и по вертикали — с самого верха, глазами командующего, и до самого низа, передавая переживания в бою рядовых офицеров и солдат. И при этом всегда в рамках проверенных исторических фактов, которые автор подвергает не только анализу, но часто и дополнительному, новому исследованию, проделывая таким образом еще и работу профессионального историка.

Описания катастрофы 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии, страшных скроботовских боев в 1916 году, позиционной войны в артиллерийской бригаде гренадерского корпуса — не только художественные произведения, они же — исторические этюды, главы, посвященные забытой русской армии. Такими же совершенно новыми историческими исследованиями являются главы о событиях в запасных батальонах лейб-гвардии Московского и Волынского полков в «Марте Семнадцатого».

Начиная с «Августа Четырнадцатого» и кончая «Мартом Семнадцатого», автор не расстается с созданными им образами солдата Благодарева (ему, видимо, суждено вернуться в родную Каменку, ставшую центром Антоновского восстания в Тамбовской губернии в 1921 г.) и полковника Георгия Воротынцева, раскрывая в них образы тех исторически существовавших офицеров и генералов генерального штаба, которые, как и сам Воротынцев, считали себя обязанными отвечать за русскую историю.

Недаром поэту уже в первый день своего пребывания на фронте во 2-й армии в августе 1914-го Воротынцев встречается с действительно служившим в штабе этой армии полковником генерального штаба Александром Михайловичем Крымовым. Близко знавший Крымова по совместной службе в Уссурийской конной дивизии генерал Петр Николаевич Врангель писал о нем, уже в эмиграции: «Вы-

Юнкера Николаевско-го кавалерийского училища. Сп-б. 1913.

Фото из архива И. де Пален

хия элита военной интеллигенции, большая часть офицеров генерального штаба, начала чувствовать себя неотрывной частью всей русской интеллигенции, и это хорошо показал Солженицын, приведя Воротынцева на вечер к лидеру кадетов Шингареву.

Исторически существовавший командир Уссурийской дивизии А. М. Крымов, ставший генералом в декабре 1914 года, не терял во время войны связи с лидером партии октябристов А. И. Гучковым. После августовского кризиса 1915 года и отказа правительства от столыпинского курса Гучков пришел к выводу о неизбежности революции, упредить которую он считал возможным «дворцовым переворотом» в результате военного заговора.

То, что Крымов был посвящен в замысел Гучкова, свидетельствует и генерал Врангель, рассказывая, что «в неоднократных спорах со мной, в длинные зимние вечера, он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может (зима 1916-го. — Н. Р.), что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя «дворцовым переворотом»...».

СОЛЖЕНИЦЫН со скрупулезной точностью передает рассказ генерала П. Н. Врангеля о том, как Крымов, назначенный командиром 3-го конного корпуса, послал его с письмом к Гучкову, ставшему военным министром во Временном правительстве. С негодованием генерал Крымов писал министру об опасности, которая грозит

ная кучка прохвостов. Кто их — знал? Кто их — звал? Да полезли туда тыловые, хлам, который войны не видел... И — как вы, правительство, даете вам распоряжаться?»

Гучков пытается успокоить генерала, говоря, что «свободам неизбежно распространяться во все сферы жизни». Он как бы примиряется с зависимостью Временного правительства от Петроградского Совета. И в ответ на это генерал Крымов ставит свое условие: прежде чем принять назначение, «я — одной Уссурийской дивизией в два дня тебе расчищу Петроград от всей этой депутатской сволочи. Может, крови немного прольем — а может, и не прольем, потому что силы у них — никакой, организации нет и храбрости. Пока они сил не набрали — сейчас их и чистить».

Гучков отказался, и Крымов вернулся в свой 3-й конный корпус. Через четыре месяца генерал Корнилов в более осторожной форме предложил по сути дела то же самое Керенскому, ставшему Председателем Временного правительства. Керенский вначале полусогласился, а потом, испугавшись, изменил своему слову и объявил генерала Корнилова вне закона. А посланный в Петроград с 3-м конным корпусом генерал Крымов застрелился.

Историческая правдивость сцены разговора между генералом Крымовым и военным министром Гучковым в его кабинете 14 марта 1917 года, описанная Солженицыным, не вызывает сомнения. В тот же день в служебном кабинете министра генерала Крымова встретил приехавший с

своему плану «дворцового переворота», хотя возник этот план только после того, как государь отказался от столыпинского курса и уволил в отставку столыпинских министров (летом — осенью 1915 года). В свете этой психологии генерального штаба и следует рассматривать неудачу генерала Корнилова, надевшегося, подерживая Керенского, покончить с разложением армии. И генерал Корнилов в августе 1917-го, и генерал Крымов в мартовском разговоре с военным министром настаивали на поддержке существующего правительства против Петроградского Совета, отнюдь не стремясь к перевороту бонапартистского типа.

Когда Воротынцев попадает в трудное положение, на страницах солженицынского повествования появляется другая историческая личность: полковник, потом генерал генерального штаба Александр Андреевич Свечин. В замечаниях ко второму тому «Октября Шестнадцатого» Солженицын пишет, что изменил имя генерала, «чтобы открыть себе нужный простор». Действительно, сменив имя генерала на Виктор Андреевич, Солженицын оставляет его, как можно предположить из текста, на службе в Ставке Верховного командования. В действительности полковник Свечин находился в Ставке лишь в начале войны. С июля 1915-го по январь 1917 года он командовал 6-м Финляндским полком во 2-й Финляндской дивизии и ко времени Брусиловского наступления первый со своим полком ворвался в укрепленное австрийцами местечко Торговицы, форсировав по горящим мостам реку Икву. Произведенный в июле

1916 года за боевые заслуги в генерал-майоры, Свечин был назначен в начале 1917 года начальником отдельной Черноморской дивизии, подчинявшейся непосредственно командующему Черноморским флотом адмиралу Колчаку.

Дивизия предназначалась для десанта с целью захвата Константинополя, и недаром, возражая Воротынцеву, возмущавшемуся «ослеплением этим Константинополем», Свечин отвечал цитатой из известного труда генерала Головина о том, что без Константинополя «Россия — заколоченный дом, куда можно проникнуть только через дымовую трубу».

В острой дискуссии, разгоревшейся в петроградском ресторане Кюба между Воротынцевым и Свечиным о положении на фронтах к концу 1916 года, последний уверенно утверждает, что «Германия и Австрия уже нигде не способны на большее наступление и переходят к обороне». Опираясь на разработанную им стратегию измора и оценивая силы союзников, Свечин утверждает, что мы «войну уже неотвратимо выиграли». Воротынцев же опасается революции:

«За эти 27 месяцев (войны. — Н. Р.) выбит наш корень... Никакая победа нам не заменит убитой России!.. Если Россия подменится, станет другая Россия, — зачем нам победа?».

Однако Воротынцев не решается этой осенью 1916 года предложить сепаратный мир, которого тогда так опасался Ленин.

(Напомним, что единственным офицером генерального штаба, выступавшим за сепаратный мир, был полковник Александр Иванович Верховский, служивший в начале 1917 года начальником штаба у Свечина в Черноморской дивизии. Произведенный в генералы Керенским за поддержку его против Корнилова и назначенный военным министром, он выступил накануне октябрьского переворота в парламенте с предложением заключить сепаратный мир, за что и был уволен в отставку. Вместе со Свечиным преподавал в Академии генштаба в 30-х годах и был расстрелян в 1941-м.)

В итоге дискуссии Воротынцев находит компромисс со Свечиным на базе все той же стратегии измора, выбирая вариант затягивания войны без лишних усилий и жертв, предлагая «задремать» на фронте. В этой дискуссии Свечин остается верным своей линии поведения, не соглашаясь ни с гучковским замыслом дворцового переворота, ни с предложением сепаратного мира, грозящим вызвать взрыв в обществе. Но, как и Воротынцев, он остается патриотом своей Родины, отдавая все свои силы службе.

(Генерал Александр Андреевич Свечин, в отличие от своего старшего брата — Михаила Андреевича, тоже генерала генерального штаба, не попал в Белую армию, а с марта 1918 года оказался в Красной Армии на службе в Петроградском укреплении тогда, когда столице угрожало германское наступление накануне Брестского договора. Но участия в гражданской войне генерал А. Свечин избежал. С августа и до ноября 1918 года он занимал должность начальника Всероглавштаба, после чего стал председателем Военно-исторической комиссии, издавшей немало ценных трудов по истории мировой войны. В 20-х годах Свечин издал ряд теоретических трудов, и по его главной работе «Стратегия» учились новые поколения генерального штаба. Профессор, комдив, заведующий кафедрой в Академии главного штаба, Свечин первый раз был арестован уже в 1930 году, затем выпущен, снова арестован и расстрелян в 1938 году.)

Н А ПРИМЕРЕ генералов Крымова и Свечина видно, как Солженицын, тщательно исследуя исторический материал, вводит в свой труд на правдивой основе образы представителей русской военной интеллигенции. Можно было бы привести и другие примеры, как, например, очень точно вырисованный портрет генерала генерального штаба Александра Дмитриевича Нечволодова. Но и сказанного, как нам кажется, достаточно, чтобы убедиться: без начатого Солженицыным исследования русской военной интеллигенции едва ли можно осмыслить до конца ход революции и тем более гражданской войны.

Ведь нельзя забывать, что инициаторами и организаторами Белой армии были все без исключения генералы генерального штаба, среди которых многие начали первую мировую войну капитанами и полковниками. Помимо генералов Алексева, Корнилова, Деникина, на юге России это были молодые в 1914 году капитаны и полковники генерального штаба Мар-

ков, Романовский, Махров, Нежинцев, Дроздовский. Последние были создателями и первыми командирами Корниловского ударного и Дроздовского полков.

На востоке это были генералы и офицеры генерального штаба Болдырев, Дидерихс, Гришин-Алмазов, Лебедев, Капель и многие другие. В северной области Белую армию создавали генералы генерального штаба Миллер и Марушевский, а на северо-западе — генерал Юденич.

В последнее время принято подчеркивать, что многие офицеры и генералы генерального штаба, будто бы добровольно поступившие в Красную Армию, были теми военными специалистами, без которых нельзя было создать ни ее организационную структуру, ни ее оперативное управление. Действительно, оба главкома Красной Армии во время гражданской войны Вацетис и Каменев — были полковниками русского генерального штаба. Несомненно, что начальник штаба при главкоме Каменеве исключительно талантливый генерал-майор генерального штаба П. П. Лебедев сыграл решающую роль в оперативных решениях на восточном фронте и на южном во время Орловско-Кромского сражения, а генерал-майор генерального штаба Д. Н. Надежин разбил команду 7-й Красной Армии, генерала Юденича под Петроградом.

Однако из этого вовсе не следует, что большинство русской военной интеллигенции с высшим военным образованием оказалось в Красной Армии (несмотря на нажим и многочисленные насильственные мобилизации). В опубликованном «Списке генерального штаба», изданном 24 мая 1920 года организационным отделом Всероссийского главного штаба, числятся 283 офицера и генерала старого генерального штаба. Если учесть, что в официальном списке генерального штаба 1913 года состоят 1396 офицеров, из которых 424 были генералами, а три ускоренных выпуска во время войны из Академии дали еще 300 молодых офицеров, причисленных к генеральному штабу, то можно утверждать, что к началу 1918 года, несмотря на убыль убитыми, оставалось не менее 1400—1500 офицеров генерального штаба. Таким образом, 280 офицеров, из которых значительная часть пришла в Красную Армию лишь после призыва генерала Брусилова во время советско-польской войны, едва составляет 20 процентов всего состава русского генерального штаба. Разумеется, нельзя утверждать, что все остальные 80 процентов ушли в Белые армии. Некоторые застряли за границей в качестве военных атташе, другие, стесненные семьями, ушли с волной беженцев, хотя такие случаи известны лишь как исключения. Не вызывает сомнения, что большинство элиты русской военной интеллигенции в годы гражданской войны продолжало бороться за Россию. <...>

Говоря о военной интеллигенции, мы имеем в виду прежде всего ее направляющую и вдохновляющую роль. Так, большинство русской военной интеллигенции, как мы говорили, создало и возглавило Белые армии в годы гражданской войны, оставив неизгладимый пример жертвенного служения родине. А меньшинство этой же интеллигенции, оказавшись на оперативном уровне командования в Красной Армии, посвятило себя после гражданской войны воспитанию новых военных поколений в духе национально-исторической осмысленности, помогая вопреки партийной доктрине всем тем, кто стремился к нравственному самопознанию в национальном духе (в их числе был и А. А. Свечин). И хотя подавляющая часть этого меньшинства старой русской военной интеллигенции погибла, была расстреляна накануне второй мировой войны, ее преемники, такие, как, например, прапорщик лейб-гвардии Егерского полка в 1917 году, начальник генштаба в 1945 году генерал армии А. И. Антонов, принесли на себя вожделение войск на втором году второй мировой войны и довели ее до победы.

И не может быть сомнения в том, что при формировании новых поколений военной интеллигенции не было забыто то наследие, которое воссоздает А. И. Солженицын, рисуя образ полковника Воротынцева и восстанавливая на исторической основе образы таких представителей нашей военной интеллигенции, как генералы Крымов, Свечин, Нечволодов и др.

Недаром А. И. Солженицын сказал:

«Весь народ — это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты. Есть же сыны России и там. И Россия ждет от них, что они выполнят сыновий долг <...> Я хорошо помню наше офицерство, 2-й мировой войны, сколько пылких честных сердец кончало ту войну, и с порывом устроит, наконец, жизнь на родине. И не могу допустить, чтобы они бесследно все ушли, как вода в песок...»